

Искусство в изменяющемся контексте | Art in the changing context

Auteur: Азамат Рахимов, [Женева](#), 15.03.2013.

Малевич-Мальборо (© Александр Косолапов)

В женеvской галерее Galerie Sébastien Bertrand открылась выставка работ Александра Косолапова, известного многими яркими картинами, сочетающими узнаваемые символы и штампы массовой культуры.

|
At the Geneva-based Galerie Sébastien Bertrand has started the exhibition of works by

Alexander Kosolapov, known for his vivid paintings juxtaposing the famous mass culture images and symbols.

Art in the changing context

Искусство как способ отражения мира всегда апеллировало к самым узнаваемым образам эпохи, которые составляли духовную и идеологическую основу общества. Исходя из этого утверждения, мы сегодня пытаемся делать выводы о том, как жили и во что верили древние греки, художники итальянского Возрождения или романтики 19-го столетия. Системы ценностей ломаются, появляются новые, изменяется контекст, и наше восприятие произведений искусства тоже становится другим. То, что казалось незыблемым абсолют, может стать объектом иронии.

Сакральность искусства и сакральное в искусстве – предмет постоянных, неумолкающих споров. И это при том, что за последнюю тысячу лет искусство во всех его формах пережило не одну метаморфозу, постоянно отходя от религиозных образов и вечно к ним возвращаясь. Естественно, эти образы также изменялись, как только одна вера сменяла другую, новая идеология отвергала старую. Но секуляризованное сознание современного человека всегда ясно видит зазор между священным символом и его художественной формой.

Александр Косолапов в Женеве (© nashagazeta.ch)

На границе этих систем и работает **Александр Косолапов**, чья персональная выставка-продажа открылась на этой неделе в женевской галерее Galerie Sébastien Bertrand. Его работы хорошо известны по обе стороны океана и находятся в собраниях Музея современного искусства в Нью-Йорке, венской Альбертины, Третьяковской галереи и многих других. В последнее время его картины на родине вызывают протесты и становятся предметом судебных разбирательств. Их запрещают, обожают, покупают за большие деньги и крадут.

Будущий выпускник знаменитой Строгановки, Косолапов родился в 1943 году в Москве. В 1975 году переехал в Нью-Йорк. Считается основателем соц-арта, направления в искусстве, возникшего под влиянием американского поп-арта. Одной из черт этого движения является игра с символами сначала советской, а затем и российской жизни. Сочетая на холсте массовые образы, принадлежащие разным идеологическим системам, в первую очередь, капиталистической и коммунистической, Косолапов достигает яркого и неожиданного эффекта, который сначала цепляет глаз, а уже потом заставляет задуматься о точках соприкосновения культуры и полярных социально-политических конструкций.

Наша Газета.ch: Сегодня Вас принято называть живым классиком. Как Вы относитесь к такому определению?

Александр Косолапов: Оно меня смешит. На Западе нет такого понятия, нет слова «классик». Есть тело культуры, в котором мы все присутствуем, кто-то больше, кто-то меньше.

В большинстве Ваших работ прослеживается присутствие образов, принадлежащих противопоставленным культурным и идеологическим системам. Яркий тому пример – Ленин и McDonalds. Как возникла эта дихотомия?

Почти все, что я делал, создавалось в период Холодной войны, постоянного противостояния тех самых систем. Но, если верить Бодрийяру, то все в современном мире – это экономика. Многократно воспроизводимые образы навязываются и продаются, и таких образов хватало в СССР и США. Совмещая их, я пытался придумать новую концепцию перехода. Хотя нечто новое возникало само по себе. Я помню, как в начале девяностых на Пушкинской площади в Москве повесили билборд с кока-колой рядом с недавно открывшимся Макдоналдс.

Икона-икра (© Александр Косолапов)

И Пушкин, «наше все», глядел на «их все».

Это была отличная манифестация новых брендов и реального сосуществования символов, которые раньше не могли оказаться рядом. Россия в этом смысле – уникальная страна. Здесь одновременно есть все: и феодализм, и капитализм, и рабовладение, и коммунизм, и демократия.

С распадом СССР сменился контекст, открылся доступ ко многому из того, что было раньше запрещено. Как же получилось, что Ваши работы, созданные в начале 90-х, вызывают неприятие сегодня?

Современное государство во многом реставрировало многие символы предыдущей эпохи, подвергнув их незначительной обработке.

И Ленин опять молодой?

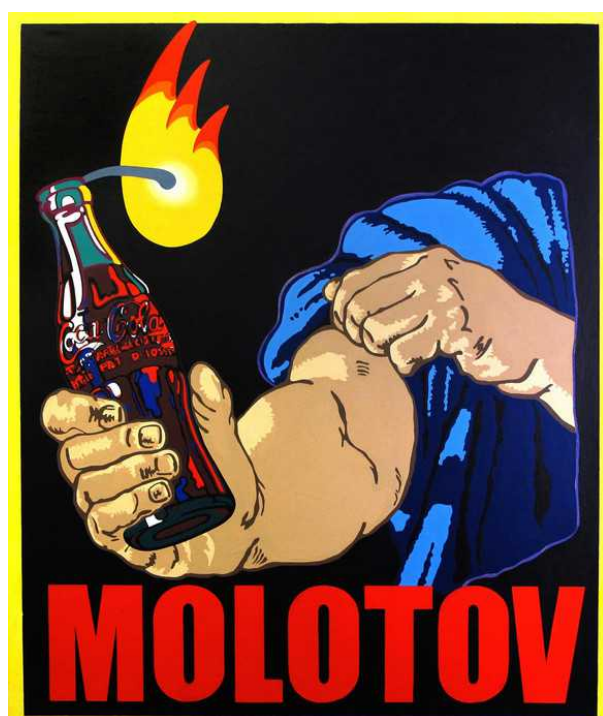
Не совсем. Сначала коммунизм пытался заменить собой религию, сейчас церковь возвращает былые позиции и срачивается с государством. Коммерциализация массовых образов – нормальная часть политэкономии. Моя [«Икона-икра»](#) была удалена с выставки в Третьяковке в 2005 году из-за письма от группы православных. А ведь работа была сделана в начале 90-х, когда церковь еще не имела той политической силы. Контекст изменился, изменился и взгляд.

Вы часто используете прием десакрализации образов, которые до этого обладали почти абсолютным священным статусом. Например, тот же Ленин. Какие символы приходят на их место?

Россия не может существовать без идеологических моделей, пустота всегда должна быть заполнена. Сначала у нас была формула «православие-самодержавие-народность», затем нас убеждали, что «советская власть - это коммунизм плюс электрификация», сегодня мы имеем «православие-народность-углеводороды».

Кока-кола - один из символов Америки. Для России вы нашли аналог - икра. Это намек на разницу политических систем?

Эта работа – ответ Уорхолу, моему любимому автору, который писал, что демократия возникает из системы потребления. Кока-кола стоит недорого, доступна всем, и ее качество одинаково вне зависимости от того, кто ее пьет - президент или простой рабочий. На Западе вертикаль власти сломана из-за горизонтального потребления. В России - ровно наоборот. Здесь главный знаковый продукт – икра, которая далеко не каждому доступна. У президента она есть, а у бедняка нет. Вертикальное потребление соответствует строению политической системы.

Коктейль Молотова (© Александр Косолапов)

Символы и штампы массовой культуры становятся сакральными, потому что бесконечно репродуцируются. Что происходит с наполнением религиозных символов? Они политизируются?

«Икона-икра» и «This is my blood» создавались в полемике с Уорхолом без прицела на скандальность. Это сейчас они вдруг оказались актуальными и резонансными.

Интересно, что в США нет политического искусства. Для них Конституция как Библия. С ней не спорят, потому что каждый художник имеет право выразить все, что ему хочется и как ему хочется. Государство в это не вмешивается. Поэтому у них нет ничего похожего на то, что создавали Оруэлл или Висконти. На этот изначально исторически заложенный демократизм указывал Бодрийяр в «Америке».

А Россия жила и развивалась под действием совсем других факторов. Также стоит учитывать ее огромные размеры. Это страна очень сложная, многоукладная, в которой трудно найти единый стержень. И сегодня меня могут судить за то, что я не делал, ведь «Икону-икру» можно интерпретировать как угодно, хотя бы, как намек на то, что церковь слилась с государством и занялась коммерцией.

Но и на Западе на Вас подают в суд.

Там была другая история. «Кока-кола» обвинила меня в краже бренда, а также в том, что из моей картины, на которой соседствуют Ленин и кока-кола, можно якобы сделать вывод, что компания является спонсором коммунизма. Тогда удалось отбиться, но обвинение лично для меня звучало смешно.

Может, это связано с укоренившимися структурами восприятия образов? Массовое сознание живет по своим законам. У Вас есть особый метод создания работ?

Восприятие имеет временной промежуток, за который может быть воспринят message. Я часто сравниваю свои работы с билбордами на трассе. Водитель за короткое время получает всю информацию. Я пытаюсь воссоздать этот эффект: образ возникает на мгновение, но уже потом зритель к нему возвращается. Передаваемое сообщение должно быть компактным и запоминающимся. Это мой новый американо-русский подход. Перефразируя Дюшана, работа должна попасть не только на клетчатку, но и в подсознание.

Под это определение прекрасно подходит «Малевич-Мальборо». Как Вам кажется, в какую сторону в будущие годы будет развиваться художественная эстетика?

Россия очень похожа на другие большие страны: слишком мало любопытства. Культуру делает очень небольшая группа людей, которая чувствует необходимость сдвига. Знаете, когда Николай I уничтожил декабристов, в стране полностью поменялся культурный климат, а ведь по сути это была очень небольшая прослойка людей. Уорхол писал о своем времени: «Нас было 500 человек».

И Возрождение в Италии стало возможным благодаря «всего двум десяткам сумасшедших», как писал Пико делла Мирандола.

Сейчас в России я не вижу людей, способных совершить подобный сдвиг. Все самые лучшие уехали, а государство не хочет изменений и идет на коллаборационизм.

Жизнь трагична, и мне бы хотелось, чтобы искусство это отражало. Видеть и передавать этот трагизм есть непреходящее качество культуры.

Выставка в галерее *Galerie Sébastien Bertrand* продлится до 13 апреля.
Дополнительную информацию вы найдете на [сайте](#).

Серебряная икра (© Александр Косолапов)

[искусство в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Коллаж как способ познания](#)

[Война в Швейцарии, или День рождения дадаизма](#)

[Дада, с днем рождения!](#)

Source URL:

<https://www.nashagazeta.ch/news/culture/iskusstvo-v-izmenyayushchemsya-kontekste>